

© 2008 г.

В. ЯРУЗЕЛЬСКИЙ (Республика Польша)

МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1981 году?

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Личность генерала В. Ярузельского до настоящего времени привлекает большое внимание как в Польше, так и за ее пределами. Он родился 6 июля 1923 г. в семье служащего в местности Курово (Польша). Судьба приготовила ему немало суровых испытаний и продолжает испытывать его до сих пор.

В 1939 г. 16-летним юношей он был депортирован вместе с семьей из Польши (с территории нынешней Литвы) в Сибирь, работал на лесоповале. Здесь умер его отец. В. Ярузельский вступил добровольцем в Польскую армию под командованием генерала Берлинга, в 1943 г. окончил пехотное училище в Рязани и был командиром взвода разведки, затем начальником разведки полка прошел весь боевой путь I Армии Войска Польского: участвовал в боях за освобождение Варшавы, Балтийского побережья, на Одере и Эльбе, закончил войну под Берлином. После войны – служба в армии, учеба; командовал полком, дивизией, в 1956 г. получил звание генерала. Последовательно занимал все высшие командные посты в Войске Польском, включая пост начальника Генштаба и министра обороны (1968–1983), генерал армии (1973).

В период кризисных событий 1981 г. в Польше В. Ярузельский – Первый секретарь ЦК ПОРП (1981–1989) и Председатель Совета Министров (1981–1985), Председатель Госсовета (1985–1989), Президент Польши (июль 1989–декабрь 1990).

В час глубочайшего политического, экономического и идеологического кризиса Ярузельский возглавил страну и, поднявшись над пропастью, разделившей в XX в. не только Польшу, но и весь мир на два враждующих лагеря, сумел найти ответ на вызов истории. В хаосе раздиравших польское общество политических страстей и противоречий он определил единственно верный курс и повел 40-миллионную страну по пути демократических преобразований.

В. Ярузельский спас Польшу от трагедии братоубийственной гражданской войны, от экономической катастрофы и от вооруженной советской интервенции. Поразительно, но – факт: он спас от разгрома "Солидарность", сохранив основу для строительства демократии в стране в будущем. Наконец, генерал Ярузельский – внук участника польского восстания 1863 г., нарушив вековые традиции, удержал поляков от очередного самоубийственного восстания, чего ему до сих пор не могут простить некоторые горячие головы. Можно лишь представить себе, сколько мужества, разума, воли и выдержки потребовали от него эти сверхчеловеческие усилия. Политические противники преследуют бывшего Президента Польской Республики до сих пор. Против него возбуждено уголовное дело. В этом году В. Ярузельскому исполняется 85 лет, но он продолжает борьбу за историческую правду, за честь и достоинство польского офицера и патриота.

Для нас, россиян, главное то, что благодаря введению военного положения, Россия не была втянута в войну на территории Польши, войну, которая неизбежно привела

бы к неисчислимым кровавым жертвам (вспомним Венгрию и Чечню) и вызвала бы тяжелейший международный кризис в послевоенной Европе и мире.

По работе мне пришлось почти 30 лет (начиная с 1964 по 1993 г.) заниматься отношениями между нашей страной и Польшей, из которых 15 лет я провел в самой Польше. Мне довелось видеть генерала Ярузельского на встречах и переговорах в тот трудный период. Широкий политический кругозор, выдержка, твердость и организованность В. Ярузельского всегда производили огромное впечатление на тех, кто встречался с ним. Человек необычайной скромности и порядочности, он в свое время отказался от звания маршала, а также от президентской пенсии. Его нынешний статус – "бывший Президент Польской Республики".

В 2007 г. в Польше вышла публикация В. Ярузельского "Мы стали старше на 25 лет"¹, в которой он раскрывает причины, побудившие польское руководство в 1981 г. ввести в стране военное положение. Она, несомненно, привлечет внимание российского читателя. Ниже печатается текст воспоминаний В. Ярузельского.

Ф.С. Логинов,
Советник I класса МИД РФ.

Приближается 13 декабря 2006 г. Читатели некоторых газет и журналов, пользователи Интернета, а также многие авторы писем шлют мне добрые пожелания и слова поддержки. Встречаются критические оценки и вопросы. За добрые пожелания сердечно благодарю. К критическим высказываниям отношусь с должным вниманием. На вопросы постараюсь ответить. Один из них: что еще можно ожидать к 25 годовщине введения военного положения? Не подлежит сомнению, что этот "юбилей" пройдет под соответствующий аккомпанемент. Загрохочет канонада гневных заявлений, обвинений, эпитетов. Перечисление всего того, что уже сказано, опубликовано или прозвучало до сих пор, в частности, в 24-ю годовщину, не будет делом легким. Не сомневаюсь, однако, что это произойдет. В частности не останутся в стороне политики и историки, которые напомним, вспомнят и дополнят мой "ужасный облик".

ЧЕРНАЯ ЛЕГЕНДА

"Польско-ярузельская война" – это не просто риторическая хитрость, запущенная в СМИ. Я ведь не был одинок. Но без создания демонического ореола, распространения "черной легенды Ярузельского", труднее осудить, по крайней мере, морально, очень многих из тех, кто стоял у истоков принятия решения о введении военного положения; тысячи тех, кто сознательно и активно принимал участие в его осуществлении; миллионы тех, кто ожидал чрезвычайных мер, принял военное положение с пониманием и до сих пор считает его введение обоснованным; всех, кто в течение многих лет постоянно находился в едином воинском и политическом строю со мной, и, наконец, тех молодых, которые не имеют ничего общего с военным положением, и которых называют "посткоммунистическим поколением". Отдаю себе отчет, что это раздражает и вызывает эмоции в некоторых политических кругах. Ощущаю это на себе в различной форме в течение многих лет.

Г-н Я. Качиньский на пресс-конференции в Сейме 23 октября 1992 г. сказал: "Генерал Ярузельский и его товарищи, которые ввели военное положение, являются предателями народа, и в качестве таковых должны предстать перед судом в соответствии с уголовным законодательством. Как преступники, они должны быть приговорены к высшей мере наказания, и приговор должен быть приведен в исполнение"². Напомню, что Уголовный кодекс тех лет предусматривал смертную казнь.

¹ Jaruzelski W. Starsi o 25 lat. Warszawa, 2007.

Примечания к тексту даны переводчиком.

² Nowy Swiat, 24–25.X.1992.

В последующие годы звучали также предложения и заявления о лишении меня воинского звания генерала, а также прав бывшего президента Польши. Наконец, недавно в книге "О двух таких" г-н Я. Качиньский, в частности, писал: "Если военного положения можно было избежать, то Ярузельский заслужил пулю в лоб". Журналист, бравший интервью, заметил: "Он был, однако, одним из инициаторов круглого стола. А после этого отошел, отдал власть" В ответ прозвучало: "Он делал все, чтобы спасти свою шкуру. Может быть, судьба Чаушеску была бы для него слишком жестокой. Но уголовная ответственность – почему бы нет?"³. Это – совместная книга братьев Качиньских, и я с сожалением могу предположить, что г-н Президент⁴ разделяет это мнение. В связи с тем, что эти слова высказываются лицами, находящимися на вершине власти, они, так или иначе, вызывают отклик и предполагают соответствующую "экзекуцию". Остается только подготовить почву в СМИ и оформить все это юридически.

31 марта с.г. прокуратура отделения Института национальной памяти (ИНП) в Катовицах выдвинула против меня и еще нескольких лиц обвинение в "руководстве организованной преступной группировкой вооруженного характера". Таким образом, решения, вызванные сложившейся в тот период сложной ситуацией в стране и имеющие огромное историческое, политическое и моральное значение, были подведены под уголовную статью. При этом фактически не признается постановление Сейма Польской Республики от 23 октября 1996 г., в котором указывается, что введение военного положения было продиктовано соображениями "крайней необходимости". А теперь "крайней необходимостью" признается осуждение так называемых авторов военного положения. Говорю об этом спокойно. Более того, при существующем положении вещей, я заинтересован в том, чтобы обвинение было рассмотрено в независимом суде, на открытом процессе, в ходе которого можно будет представить разъяснения каждой из сторон. Рассчитываю, что это даст мне возможность привлечь внимание общества и с помощью убедительных аргументов "достучаться" до него.

ПРИНИМАЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ

В настоящее время я читаю и изучаю многие тысячи страниц, несколько десятков томов обвинительных актов, к которым добавляются дополнительные и уточняющие материалы, что для моих больных глаз дело нелегкое. При этом я не хотел бы, чтобы эти мои слова рассматривались как попытка вызвать сострадание к "невинной жертве". Я не собираюсь принижать свою роль и ответственность за принятые в тот период времени решения. Много раз я говорил и писал: принимаю всю ответственность на себя. Покидая пост президента Польской Республики 11 декабря 1990 г. я, в частности, сказал: "Будучи воином, я знаю, что командир, т.е. каждый руководитель, отвечает за всех и за все". И дальше: "Если время не устранило чей-то гнев или неприязнь, пусть они будут направлены против меня". Именно так и происходит уже в течение многих лет, включая покушение на меня, тяжелое ранение, которое, к счастью, не закончилось смертью. Хотя я все чаще думаю, что, может быть, было бы лучше для меня, а также для некоторых лиц, если бы удар оказался на 2–3 см более метким.

Возвращая "Крест ссыльных в Сибирь"⁵, я в письме Президенту Польской Республики Л. Качиньскому писал: «Как участник боев за Берлин в апреле 1945 г. в звании офицера и как генерал армии, занимавший высшие государственные посты, я чувствую себя, в соответствующих, естественно, рамках, ответственным за все, что происходило в Польше, находившейся в то время в реальных условиях разделенного мира. Напомню, в нескольких написанных мною книгах, а также в сотнях статей, интервью часто звучат слова: "сожалею, сострадаю, прошу прощения". Это касается, в

³ *Kaczyński J.* O dwóch takich. Warszawa, 2006, s. 117.

⁴ *Качиньский Лех* – в настоящее время Президент РП, родной брат Ярослава Качиньского.

⁵ "Крест ссыльных в Сибирь" учрежден 17 октября 2003 г. Им награждаются граждане Республики Польша, высланные в Сибирь и Казахстан после 17 сентября 1939 г.

частности, всех фактов и ситуаций, которые причинили людям какую-либо несправедливость и боль. Если причины этого связаны со мною прямо или косвенно, я воспринимаю это тем более остро».

Все это как заноза сидит в моем теле. И повторяю еще раз. Я не знаю, был ли когда-либо и существует ли сейчас политик или генерал самого высокого ранга (причем не только в Польше), который так настойчиво публично повторял бы такие слова. Я подчеркиваю эти слова в надежде, что они помогут правильно понять высшее значение вызовов современности, не идущих ни в какое сравнение с тем, что разделяло и ссорило нас, поляков, в прошлом.

Это вступительные замечания. А теперь я хотел бы выразить свое отношение к введению военного положения, а главное, ответить на ряд вопросов и внести ясность в некоторые из них. И здесь я оказываюсь в сложном положении, прежде всего потому, что на эту тему я уже много сказал и написал. Напомню хотя бы книгу "Военное положение. Почему?"⁶. Особое значение я придаю изданной в 2005 г. книге "Против течения"⁷. Я ожидал, что многочисленные противники военного положения "разорвут ее в клочья", выдвинут конкретные контрдоводы против нее, развернут полемику в связи с ее выходом. Но ничего этого не произошло. Противники военного положения хранили молчание. Подобная судьба (в известной степени бойкот) постигла и научно-историческую конференцию, состоявшуюся 3 ноября 2005 г. Она была посвящена исторической "встрече троих" (В. Ярузельский, Ю. Глемп⁸, Л. Валенса), проходившей 4 ноября 1981 г. Приведу другой, более ранний, пример: 6 июля 1998 г. я написал большую статью под заголовком: "Еще раз о военном положении" и направил ее некоторым парламентариям, политикам и редакторам. Не знаю, как, но статья оказалась в редакции парижского журнала "Культура". Я получил письмо от Е. Гедройца⁹ с вопросом, согласен ли я на ее публикацию. Естественно, я согласился, и она вышла в "Исторических тетрадах"¹⁰. Учитывая политическое значение и авторитет журнала "Культура", отсутствие реакции на публикацию говорит само за себя.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Вообще-то на этом можно было бы закончить. В перечисленных источниках читатель найдет документально подтвержденную информацию о моих оценках и взглядах. Несмотря на это, я вынужден вновь вернуться к вопросу: можно ли было избежать военного положения?

Нельзя избежать землетрясения, града, тайфуна, одним словом, проявления сил слепой стихии. Все остальное зависит от человека, который, однако, находится в реальных исторических и геополитических условиях, действует в рамках определенной государственной системы с присущим ей уровнем развития и ментальности. Можем ли мы хотя бы через 25 лет с минимальным сопереживанием посмотреть на обстановку и процессы того времени? Ясно, что при оценке тех событий я представляю точку зрения тогдашней власти, ее намерения и решения. Одновременно я с полным пониманием отношусь к "Солидарности" и неизменно подчеркиваю ее историческую роль, ее стремление к свободе и демократии, а также роль Л. Валенсы и многих деятелей того времени. Я испытываю большое уважение к тем деятелям и группировкам, которые верили в эти идеалы, боролись за них и несли определенные жертвы. Я вполне осознаю тот факт, что "Солидарность" была источником и началом, и, в конечном счете,

⁶ Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego? Warszawa, 1992.

⁷ Jaruzelski W. Pod prąd. Warszawa, 2005.

⁸ Глемп Юзеф – Примас (глава) католического костела Польши.

⁹ Гедройц Ежи – издатель и главный редактор журнала "Культура", издававшегося в Париже на польском языке. "Исторические тетради" – приложение к журналу "Культура".

¹⁰ Jaruzelski W. Jeszcze raz o stanie wojennym. – Zeszyty Historyczne, 1998, № 126, s. 2–54.

в условиях "горбачевской" политики и реформаторских настроений польских властей, главной движущей силой преобразования государственного строя в Польше.

Это – общая оценка. Однако необходимо принимать во внимание следующее: встречаются святые люди, но не бывает святых политиков, правительств, партий, политических и общественных движений. Я отношу это и к "Солидарности". Ее цель была высокой, но освящала ли она любые средства? Что происходило по дороге, ведущей к этой цели? На краю какой пропасти оказалась страна в конце 1981 г.? Естественно, я говорю об этом, вполне сознавая исторический балласт недостатков и проступков Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), власти, а также ее очередных просчетов и постоянного отставания от событий в тот период времени. Однако сегодня обвинения адресуются только одной стороне, которая приняла решение о введении военного положения. Но как рождалось это решение, каковы были вызвавшие его причины, что явилось последней каплей и, в конечном счете, определило момент его принятия?

Понятие "меньшего зла" родилось не 13 декабря 1981 г. Оно используется в истории человечества как во время эпохальных событий, так и тогда, когда в отношениях между людьми возникают конфликтные ситуации. Я не собираюсь превращать зло в понятие банальное и относительное, ибо даже "меньшее зло" остается все же злом. Оно приносит зло обществу в целом, а также заставляет отдельных людей страдать и терпеть несправедливость. С годами, особенно в свете ранее неизвестных мне фактов и документов, я вижу это еще более отчетливо. Возникает ощущение, что противники военного положения живут по принципу: "в чужом глазу соломинку видят, а у себя и бревна не замечают". Чем дальше от драматических событий того времени, тем выше самооценка сторонников "Солидарности". Тому множество примеров. Ограничусь двумя, наиболее яркими. Я писал уже об этом подробно в книге "Против течения"¹¹, здесь же ограничусь краткой цитатой. Б. Борусевич 1 октября 1983 г., т.е. 23 года тому назад, в своей книге "Конспира" отмечал: «Движение приобретало все отрицательные свойства системы – нетерпимость к инакомыслящим, подавление критики, примитивный шовинизм... В определенный момент демократически избранные деятели утратили контакт с действительностью, наступило состояние амока. Мы перестали мыслить политическими категориями, стали впадать в мистику: слово сказанное как бы стало делом. Казалось, стоит сказать: "Отдайте власть!", и власть окажется в наших руках»¹².

В свою очередь Я. Качиньский, говоря о "Солидарности" того времени, признавал: «Это чудовищное движение, учитывая его характер и конструкцию, не могло быть демократическим... Если бы в 1989 г. "Солидарность" была так же сильна, как в 1981 г., то никакой демократический механизм в Польше вообще не был бы создан»¹³.

Военное положение радикально ослабило "Солидарность". Таким образом, или, если кто желает, парадоксальным образом оно содействовало тому, что через несколько лет в условиях новой международной ситуации создание упомянутого демократического механизма в Польше стало возможным. Многие "постсолидаристские" политики забывают эти прошлые оценки. Сейчас они все видят в черно-белых тонах, искажающих исторический фон имевшей место политической борьбы. Нынешняя ситуация дает явные тому доказательства. Политика "заражена" историей, а история "заражена" политикой.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Я сознаю, притом самокритично, что в нашей истории имели место многочисленные искажения и так называемые "белые пятна". Сегодня все в корне изменилось. Но

¹¹ Jaruzelski W. Pod prad, s. 59, 61–62.

¹² Borusiewicz B. Konspira. Paryż, 1984.

¹³ Toranska T. My. Warszawa, 1994.

"маятник" занесло в другую сторону. Вновь возвращаюсь к ключевому вопросу: можно ли было избежать военного положения? Каковы были внутренние и внешние условия, которые власти было необходимо принимать во внимание? Ограничусь некоторыми неизвестными или искаженными фактами. Остальное читатель при желании может найти в моих книгах и публикациях. Во-первых, не нужно быть психологом, чтобы понять, что нормальный человек по своей природе не является мазохистом. На протяжении нескольких месяцев, и особенно накануне 13 декабря, меня не покидало беспокойство по поводу приближающейся тотальной катастрофы. До последней минуты, а точнее до 14 часов 12 декабря я хотел избежать принятия этого драматического решения. Я с горечью сознавал, что тяжесть ответственности за него буду нести до конца своих дней. То же самое сознавали мои гражданские и военные товарищи. Я не говорю при этом об ортодоксах и карьеристах – для них это был выход, которого они ждали с нетерпением, хотя им хотелось и более радикальных мер. К сожалению, часть этих людей в свое время подседа к нам на "заднее сидение". Наряду с реальными обстоятельствами и существовавшими объективными причинами, это было вызвано торможением хода реформ, а также принятием разного рода идиотских и бесчестных решений властей. Считаю, что я недостаточно решительно избавлялся от такого рода "балласта".

Во-вторых, нас обвиняли в том, что подготовка военного положения с самого начала якобы имела целью подавление "Солидарности". На чем это основывалось? На том, что власти разрабатывали мероприятия на случай введения военного положения и будто бы предпринимали "провокационные" шаги с целью создания ситуации, при которой силовое решение становилось неизбежным. Оставалось только определить время введения этого плана в действие. Однако планирование и подготовительные меры на случай чрезвычайных ситуаций являются элементарной обязанностью любого государства. В своде законов Польской Республики от 10 марта 1937 г. содержится закон от 22 февраля 1937 г. "О чрезвычайном положении". (Содержание его по своему замыслу и практическому осуществлению идентично закону и декретам Государственного Совета ПНР о военном положении). Его подписали Президент Польши И. Мостицкий и Председатель Совета Министров С. Складовский¹⁴. В некоторых вопросах закон 1937 г. шел дальше и являлся более жестким. В ст. 1(1) говорилось: "Решение о введении чрезвычайного положения принимает Совет Министров по предложению министра внутренних дел и с разрешения Президента Польской Республики". Основная мысль – все находится в руках административных властей, до уровня района включительно. Но не до конца: в ст. 12 сказано: "Использование военной помощи... передача на ограниченный период времени определенных функций и полномочий гражданских административных властей властям военным, как и зависимость административных властей от военного командования осуществляется в границах, необходимых для достижения единства действий с целью обеспечения безопасности государства и публичного порядка".

При этом следует напомнить, что в том же 1937 г. суд приговорил за преступления против государства 3755 человек, в том числе за государственную измену 2945 человек¹⁵. Добавлю, что упомянутым законом от 1937 г. (ст. 17) отменялся Указ Президента Польши от 16 марта 1928 г. "О чрезвычайном положении". Это еще раз подтверждает, что приготовления к введению в стране чрезвычайного положения велись постоянно и непрерывно. Кстати сказать, то, что соответствующая норма не была включена в Конституцию ПНР ранее, было ошибкой. Такая статья о чрезвычайном положении была внесена в Конституцию только 20 июля 1983 г. Именно такова была суть и фактическое содержание военного положения в декабре 1981 г. Если бы оно называлось "чрезвычайным", психологическая реакция на него внутри страны и за рубежом имела бы иную окраску.

¹⁴ Мостицкий Игнацы (1867–1946) – президент Польши в 1926–1939 гг.; Складовский Славой (1885–1962) – премьер-министр Польши в 1936–1939 гг.

¹⁵ *Maly Rocznik Statystyczny* 1939. Warszawa, 1939, s. 164.

В ПНР подготовительные работы на случай чрезвычайной обстановки были начаты в 60-е годы. Они проводились в тесной координации с обновлением концепций и планов на случай войны. Первая проверка состоялась в 1967 г. в рамках учений "Лето 1967". Вторая – в ходе учений "Страна 73", которыми руководил Председатель Комитета Обороны, премьер-министр П. Ярошевич¹⁶. Работы по планированию продолжались. Это нашло свое отражение, в частности, в проектах соответствующих документов в 1978 г. и весной 1980 г. Понятно, что по мере роста напряженности в стране, особенно в 1981 г., эти работы активизировались. Здесь я не могу обойти молчанием роль Р. Куклиньского¹⁷. Приведу его слова из интервью для парижского журнала "Культура": «Моя особая должность в Генеральном штабе по вопросам подготовки военного положения позволяла мне знакомиться с планами использования советских и польских сил против "Солидарности"». И далее: "Мне было поручено согласование в рабочем порядке планов введения военного положения и разработка центрального плана руководства деятельностью государства в тот период"¹⁸.

Итак, если говорить серьезно, то организованное и эффективное введение военного положения было его заслугой. Необходимо добавить, что основные документы, разрешающие ввести военное положение, в частности решение и декреты Государственного Совета, не были подписаны до самой последней минуты.

Можно услышать недовольные голоса о том, что детальная проработка и разного рода подготовительные мероприятия свидетельствуют о зловредных намерениях "авторов военного положения". Наоборот, это говорит о чувстве ответственности. Не однородная импровизация, а четкая координация и синхронизация с целью избежать хаоса, который мог бы закончиться пролитием крови. Приведу слова С. Братковского¹⁹, который в 10-ю годовщину введения военного положения писал: "Если бы нас не удалось нейтрализовать так профессионально, как по учебнику, то, как дважды два – четыре, пролилась бы кровь; молодежь пошла бы против оружия даже с голыми руками"²⁰.

АТМОСФЕРА КОНФРОНТАЦИИ

В этом месте следует добавить, что упомянутым приготовлениям сопутствовали бесконечные призывы, предупреждения и предостережения. Было проведено множество переговоров на эту тему, особенно с экспертами "Солидарности". Напомню решение Сейма от 31 октября и, особенно, VI пленума ЦК ПОРП 28 ноября, и сказанные на нем слова, в том числе мои: "Нынешнее положение дальше сохранять невозможно, процесс разложения должен быть остановлен. В противном случае это неизбежно приведет к конфронтации, к военному положению". Разве тот, кто хочет ошеломить, выступить неожиданно, станет говорить об этом публично? Наоборот, здесь скорее желание избежать крайностей. Следует спросить, что явилось причиной пренебрежительного отношения к предостережениям?

Легкомыслие, самоуверенность оппозиции, ее отношение к власти, прошу прощения за выражение, как к издыхающей собаке. Все это необходимо тщательно и объективно оценить.

Раздаются и такие голоса: поддержка "Солидарности" постепенно ослабевала, так зачем понадобилось вводить военное положение? В ответ на это приведу оценку проф. А. Вербляна²¹, заявившего в июле 1995 г. в еженедельнике "Сегодня": «Особен-

¹⁶ Ярошевич Петр (1909–1962) – премьер-министр Польши в 1970–1980 гг.

¹⁷ Куклиньский Рышард (1930–2004) – офицер Генерального штаба Войска Польского, с конца 60-х годов сотрудничал с американской разведкой, накануне введения военного положения бежал в США.

¹⁸ *Kultura*, 1987, № 4, с. 9, 27.

¹⁹ Братковский Стефан – журналист, писатель, активный деятель "Солидарности".

²⁰ *Gazeta Wyborcza*, 13.XII.1991.

²¹ Верблян Анджей – историк, политический деятель, секретарь ЦК, член Политбюро ЦК ПОРП (1974–1980), вице-маршал Сейма (1971–1982).

но опасное положение сложилось осенью 1981 г. В результате естественной в таких условиях усталости масс уже обозначилось некоторое снижение влияния "Солидарности", появились признаки общественной апатии. Именно в такие моменты в революционных организациях, связанных с массами и ощущающих малейшую перемену в их настроениях, возрастают экстремистские тенденции. Их порождает ощущение: если не сейчас, то когда? Именно так, я думаю, следует расценивать значение радомской сессии Национальной согласительной комиссии "Солидарности" и ее решения. Точно так же следует оценивать перспективу намеченных на середину декабря массовых демонстраций, связанных с годовщиной 1970 г. Все шло к конфронтации»²².

Проф. Е. Вятр²³, глубоко проанализировав ситуацию и события того времени, в изданной в США книге "Солдат и нация" также отмечал, что "проклятием того времени была атмосфера противостояния"²⁴. А 27 августа 1981 г. Я. Куронь²⁵ на страницах газеты "Роботник"²⁶ признавал: "Впервые начинаю думать, что нам может угрожать гражданская война". Здесь же в этой газете Б. Геремек²⁷ добавляет: "Угрожает не только интервенция, но и развал по причинам внутреннего характера... Катастрофа становится реальным фактором. Это катастрофа нарастающая".

Так было в августе, а что происходило в декабре? Конфликты росли как снежный ком. В ходе острой политической борьбы сложилась практика реагирования на действия оппонентов по принципу: "кто – кого". К этому следует добавить топорную риторику с обеих сторон. Консервативные силы в партии, в лагере власти, своим неприязнью изменений и злобным упорством деформировали реальные намерения правительства. Объективно это было на руку радикалам из "Солидарности". Экстремизм взаимно "подпитывался" с обеих сторон.

Понятно, что государство, располагающее соответствующими органами и инструментами власти, несет ответственность за их функционирование. Без сомнения, оппозиция пыталась нанести удар "ниже пояса", но и действия властей вызывали сожаление. Часто они били рикошетом по политике правительства на достижение соглашения и спокойствия, как, например, избиение в марте 1981 г. трех лиц из числа нескольких десятков человек, упорно отказывавшихся освободить здание Воеводского народного совета в Быдгощи. Иногда власти выглядели крайне непривлекательно, что мгновенно выставлялось оппозицией напоказ. Если это делалось не в подстрекательских целях, а, наоборот, чтобы объективно вскрыть те или иные злоупотребления властей, приношу свои извинения. Однако должен заметить, что, как я уже иронизировал по этому поводу, в печати в связи с тем или иным конфликтом постоянно изображали "стайки ангелов" от оппозиции и "Солидарности" и дьявольские орды власти и "коммуны", или наоборот. На деле все было гораздо сложнее. Каждый конфликт имел свою причину, а в конечном счете складывалась ситуация, которую уже никто не контролировал.

Политические разногласия разделили даже семьи и ранее близких людей. Поступали сообщения о том, что многие члены партии, представители властей и члены их семей, включая военных, особенно на периферии, ощущали реальную угрозу. Любой мелкий повод мог вызвать общественный психоз. Характерный пример – забастовка на государственном сельхозпредприятии "Любогура". В результате в течение нескольких недель в октябре – ноябре 1981 г. было нарушено и даже парализовано производ-

²² Dzis, 1995, № 7.

²³ *Вятр Ежи* – социолог, политолог, профессор Варшавского университета, выступал с лекциями в ряде университетов в США.

²⁴ *Viatr E. The Soldier and the Nation. New York, 1995.*

²⁵ *Куронь Яцек* (1934–2004) – историк, педагог, общественный и политический деятель, один из руководителей демократической оппозиции и "Солидарности", министр труда и социальной политики (1989–1990 и 1992–1993 гг.).

²⁶ *Robotnik*, 27.VIII.1981.

²⁷ *Геремек Бронислав* – активный деятель оппозиции и "Солидарности", министр иностранных дел (1997–2000 гг.), депутат Европейского парламента с 2004 г.

ство на многих, в том числе важнейших предприятиях Зеленогурского воеводства. Страна понесла огромные экономические потери. Или другой курьезный случай: оглушительный спор по поводу того, кто был провокатором, подбросившим цветы с отвратительным запахом вблизи шахты "Сосновец". А в результате – очередное напряжение вокруг вопроса о поставках угля. Эти примеры свидетельствуют о нарастании злобных эмоций, агрессии и враждебности с обеих сторон. Такова была морально-психологическая обстановка в стране накануне введения военного положения.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕТЛЯ

Экономика есть основа материального благосостояния народа. Пороки экономической политики в теории и на практике, а также нарастающий кризис во второй половине 70-х годов, последствия неурожая, разного рода упущения и ошибки организационного и персонального характера, наконец, усиливающиеся свободолюбивые настроения народа – все это в итоге послужило импульсом для событий июля, августа и сентября 1981 г. Я с уважением отношусь к историческим соглашениям, при подготовке которых обе стороны проявили здравомыслие и ответственность. Однако экономическая цена этих соглашений была велика. Происходил глубокий спад производства, особенно чувствительный в области добычи угля. Был нарушен обмен промышленными и сельскохозяйственными товарами. Одновременно нарастала лавина необоснованных экономических требований и "необеспеченных" товарами денег. Половина известных 21 требования²⁸ на деле означала: работать меньше, получать больше. В результате – кошмар пустых магазинов, голые полки, хвосты очередей, отключения электричества, нехватка бензина и километровые очереди автомашин на бензоколонках. К этому следует добавить официальное заявление о резком сокращении с 1 января 1982 г. советских поставок нефти и газа, а также других основных товаров и сырья, что логически являлось следствием серьезных нарушений поставок с нашей стороны и антисоветизма. Можно сказать, что сокращение поставок не случайно совпало по времени с первым этапом съезда "Солидарности" и, в особенности, с громогласно принятым им "Посланием к трудящимся Восточной Европы".

Ограничение поставок наряду с разрухой в нашей экономике угрожало энергетическим кризисом, что в условиях зимы означало не только экономическую, но и биологическую катастрофу. Военное положение на деле предотвратило ее. Все это обстоятельно подтверждается документами: протоколами, справками и донесениями. Даже сегодня ознакомление с ними вызывает потрясение. Наиболее драматические из них за период конца ноября – начала декабря 1981 г. были включены в виде приложения № 2 в "Исторических тетрадах" парижского журнала "Культура" (№ 126).

Впечатляют ежедневные сводки Дежурной оперативной службы правительства (ДОСП)²⁹. Перечитывая в ходе ознакомления с актами прокуратуры Института национальной памяти стенограмму последнего перед введением военного положения заседания Совета Министров 7 декабря 1981 г., я вновь ощущаю гнетущее воздействие этого документа. Стенограмма показывает нависшую над страной угрозу, раскрывает весь драматизм сложившегося положения. Этот документ, предназначенный для внут-

²⁸ 21 требование Межзаводского забастовочного комитета "Солидарности" от 17 августа 1980 г. Они носили в основном политический характер: создание независимых от ПОРП свободных профсоюзов, свобода слова и доступ к СМИ, прекращение преследования за политические убеждения, а также проведение коренных преобразований в экономике, сокращение пенсионного возраста, реформа здравоохранения, отмена партийных привилегий и т.д. В 2003 г. эти положения были включены в документ ЮНЕСКО "Память мира".

²⁹ ДОСП – Дежурная оперативная служба правительства, которая ежедневно докладывала руководству страны о положении на местах, в частности, о настроениях среди населения, очагах напряжения и конфликтах, трудностях со снабжением, элементах анархии и паралича в работе государственных органов, росте преступности, а также о ситуации в приграничных воеводствах.

ренного пользования, впечатляет своей правдивостью и деталями. Министр внешней торговли и заместители министров химической и легкой промышленности с тревогой предупреждали, что, начиная с третьей декады ноября и в декабре, происходит спад поставок нефти и, в связи с этим, бензина со всеми вытекающими отсюда последствиями для экономики и населения. Короче говоря, эти данные сигнализировали нам о надвигавшейся к январю 1982 г. катастрофе: нарушение карточной системы, нехватка хлеба в ближайшем будущем, замерзающие люди в длинных очередях. Отмечались случаи нападения на автомашины, доставлявшие товары, попытки помешать их разгрузке и нормальной продаже товаров, бешеная спекуляция, резкое снижение экспорта, особенно угля, что, соответственно, наносило тяжелый удар по нашему импорту. Город не поставлял промышленные товары для села. Село перестало снабжать город продовольствием, возникла "квадратура круга". Органы власти на местах были парализованы и не могли обеспечить население продуктами и товарами. Очень плохо обстояло дело с дисциплиной труда, росло число прогулов на производстве. На многих предприятиях выдвигались необоснованные требования денежных выплат. В семи воеводствах местные правления "Солидарности" объявили на предприятиях забастовочную готовность. В министерствах наблюдалась атмосфера страха и апатии. "Солидарность" явно нацеливалась на захват власти. Все более агрессивной становилась Конфедерация независимой Польши (КНП)³⁰. Росло число эксцессов, в том числе антисоветских провокаций. Резко увеличилась уголовная преступность, происходили бунты в тюрьмах, захватывались общественные здания, повсеместно ощущалась усиливающаяся анархия. Раздавались голоса, что без чрезвычайных мер нас ожидает невообразимая катастрофа.

Подводя итог заседанию Совета Министров 7 декабря 1981 г., я дал ряд конкретных указаний по вопросам, касающимся функционирования государственных органов власти, экономики, а также снабжения населения продуктами и товарами. Я обратил внимание на обеспечение бесперебойной работы транспорта и связи. Учитывая наши союзнические обязательства, это имело ключевое значение, так как любая задержка на транспортных линиях Восток – Запад могла иметь для нас тяжелые последствия. Поэтому Генштаб спланировал их охрану силами воинских частей (около 10 тыс. солдат плюс группы контроля), а также воздушное патрулирование трасс с использованием вертолетов. Это касалось главным образом стратегических узлов: трех шоссе и трех железных дорог.

Таким образом, во время заседания Совета Министров я полностью сознавал, в каком положении мы находимся, но, тем не менее, я не предложил ввести военное положение. По-прежнему жила надежда на достижение соглашения. Положение в экономике – тема необъятная, и мне не хотелось бы, чтобы оценка экономического положения прозвучала односторонне, в упрек "Солидарности". В ее рядах и в отдельных группировках высказывались противоположные по своей сути оценки и выдвигались отличные друг от друга задачи. Напомню здесь известные слова Л. Валенсы, сказанные в ноябре 1981 г: "Я останавливаю одну забастовку, а десять команд ездят и начинают новые". В условиях паралича экономики и тотальной нехватки продуктов и товаров не все представители власти оказались на высоте. На разные ошибки и просчеты властей указывала "Солидарность". Одни ее замечания были справедливыми, другие носили политический, подстрекательский характер. К работе по устранению бюрократической волокиты на местах подключились военные территориальные оперативные группы. Хотя большинство представителей власти были людьми честными и компетентными, однако в выходящих из-под контроля условиях некоторые руководители метались из стороны в сторону, не успевая "затыкать дыры". Вместе с тем хочу подчеркнуть, что обеспечение широких, сегодня уже в значительной степени не су-

³⁰ Конфедерация независимой Польши – политическая партия крайне националистического и анти-русского толка, организована в 1979 г. Л. Мочульским.

ществующих, социальных благ, в том числе общественного питания, для нас всегда было принципиально важным вопросом.

В своем выступлении в качестве премьера 12 февраля 1981 г. я назвал 10 главных задач. В основном они касались именно социально-бытовой сферы, что было важно с общественной и моральной точки зрения. Вместе с тем, я должен признать, что в течение всего периода существования Народной Польши выполнение этой задачи было непосильной ношей для нашей экономики. Однако то, что сейчас приходится наблюдать в нашем обществе, шокирующем своими социальными контрастами, не может не вызывать недовольства у людей, придерживающихся левых взглядов.

Чтобы ответить на вопрос, можно ли было избежать военного положения, необходимо тщательно проанализировать экономические трудности, с которыми мы тогда сталкивались, и выяснить их влияние на общественно-политическую обстановку в стране. К сожалению, сегодня никто этого не делает по вполне понятным причинам: это невыгодная тема, особенно когда речь идет о забастовках. Некоторые известные политики и историки даже утверждают, что в целом по стране забастовки привели лишь к незначительному сокращению рабочего времени. Легковесность этой оценки удивляет. Частые объявления состояния забастовочной готовности, нарушения производственной дисциплины, рост аварий, прогулов, остановка только одного предприятия нарушала кооперативные связи и сразу же срабатывал "эффект домино". Все это не могло не сказаться на сокращении поставок угля, топлива, электроэнергии, что в свою очередь вело к резкому ограничению нашего импорта и, в конечном счете, к ухудшению благосостояния населения. Давно настало время внести ясность в этот вопрос.

ПОИСКИ И НЕУДАЧИ

Постоянно возвращаясь к вопросу: что можно было сделать 25 лет назад для улучшения функционирования экономики? Как в процессе согласования и подписания соглашений избежать непродуманных решений? Ясно было одно: для немедленного радикального изменения экономической ситуации шансов уже не было. Все наши надежды были связаны с осуществлением фундаментальной реформы. В состав созданной с этой целью Комиссии вошли многие известные экономисты и практики. Ее оценки и предложения, в те времена новаторские, а в итоге противоречивые, были приняты и поддержаны властями. Они легли в основу согласованных с "Солидарностью" законов "О рабочем самоуправлении" и "О предприятии".

На встрече представителей правительства – проф. В. Баки и проф. З. Садовского – с представителями "Солидарности" Я. Меркелем и Г. Палка 27 ноября 1981 г. были достигнуты очередные соглашения, хотя некоторые вопросы оставались открытыми. Договорились о следующей встрече 4 декабря, но представители "Солидарности" на нее не явились: путь к переговорам был заблокирован. Жесткая линия руководства "Солидарности", принятая на съезде 3 декабря в Радоме, привела к категорическому отказу от предложенного правительством взаимного "прекращения огня". В результате была упущена возможность начать комплексную экономическую реформу с 1 января (начало нового бюджетного года), поскольку для этого требовалось специальное постановление Совета Министров, действие которого закончилось бы в момент вступления в жизнь согласованного с "Солидарностью" целого пакета законов, определявших окончательное направление экономической реформы. Отказ оппозиции от заключения соглашения с правительством накануне нового хозяйственного года стал одним из факторов, способствовавших введению военного положения.

В этой связи хотелось бы добавить следующее. Кризисное положение в экономике вело к катастрофическим последствиям для общества, к непомерным тяготам в повседневной жизни поляков. Поэтому, независимо от реформирования системы, необходимо было принимать срочные меры, которые позволили бы облегчить положение людей. С этой целью неоднократно (в последний раз 12 декабря – за день до введения

военного положения) власти предлагали создать совместную Рабочую комиссию правительства и профсоюзов, в частности "Солидарности", а также отраслевых и автономных профсоюзов, союзов сельскохозяйственных кружков и т.д. Конечно, удельный вес участников такой комиссии был бы разным, но все они были заинтересованы, а, главное, обязаны активно участвовать в решении наиболее острых проблем людей труда. Но "Солидарность" неизменно уклонялась от участия в этой комиссии. Она признавала возможными лишь двусторонние переговоры с правительством. Такая позиция этого профсоюза – горячего сторонника плюрализма и демократии выглядела в тех условиях, по меньшей мере, странной. Для власти это послужило еще одним тревожным сигналом. Сегодня можно только удивляться, почему такая позиция "Солидарности" остается в стороне от внимания политиков и историков.

"ВСТРЕЧА ТРОИХ"

Неудача с созданием вышеупомянутой комиссии не остановила наших дальнейших усилий по налаживанию диалога с оппозицией. Теперь они были перенесены в политическую плоскость. "Встреча троих" (В. Ярузельский, Ю. Глемп, Л. Валенса) представляла возможность достижения соглашения с оппозицией и отказа от введения военного положения. Она, как известно, закончилась принятием совместного заявления: "Встреча признана полезной и является подготовительным шагом на пути к дальнейшим консультациям по существу имеющихся проблем". Встреча вызвала большой интерес в стране и за рубежом, пробудила надежду в измученном польском обществе. Она широко освещалась в СМИ, обсуждалась на многочисленных совещаниях и собраниях. О ее итогах я говорил с представителями различных слоев общества, с президентом Польской Академии наук проф. А. Гейштором, с известными в стране генералами З. Берлингом, Я.Р. Мазуркевичем, Ф. Скибиньским, со многими гражданскими и военными лицами. Большой интерес был проявлен в партийных рядах – по данному вопросу было даже опубликовано письмо Политбюро ЦК ПОРП. Полную и активную поддержку встрече оказали Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия, многие общественные организации. Соответствующие старания предпринимал и костел. Наутро после "встречи троих", т.е. 5 ноября, Примас Польши отправился в Рим и, насколько мне известно, Папа-поляк (Иоанн Павел II. – *Ф.Л.*) с одобрением и надеждой воспринял информацию о встрече.

Что же случилось вслед за этим? Почему эти содержательные консультации и сами встречи не были продолжены? Я многократно поднимал этот вопрос, но безрезультатно: ответа не было. Авторы многих статей и книг (за исключением П. Скуры, выступившего в газете "Трибуна"), касались этой темы в общем плане или вообще ее избегали. Те, кто винит нас за введение военного положения, стараются не затрагивать эту тему, поскольку им пришлось бы правдиво ответить на вопросы: почему то, что было отвергнуто в ноябре 1981 г., смогло произойти в августе 1988 г.? Кто к этим консультациям стремился, призывал и настаивал на них, а кто от них уклонился? Мы, естественно, не знаем, каков был бы их результат – успех или провал? Позиции сторон резко расходились. Слишком много накопилось недоверия, и все мы тогда были пленниками стереотипов. Но ясно одно, когда на глазах у всей Польши при участии представителей костела начинаются серьезные переговоры, общественные эмоции успокаиваются, и желание идти на конфронтацию исчезает. Возможно ли в таких условиях военное положение или интервенция? Нет. Вот вам один из ответов на вопрос, можно ли было избежать военного положения. В тех условиях этот смелый шаг был попыткой создать хотя бы какую-нибудь разновидность ограниченного политического плюрализма.

Здесь я должен сказать о распространенном сейчас мнении, что со стороны власти эта встреча якобы являлась всего лишь уловкой, и что решение о введении военного положения к тому времени было давно принято. В подтверждение "моей решимости" и "предопределенности" введения военного положения многие авторы ссылаются на

опубликованные в России протоколы заседания Политбюро ЦК КПСС от 10 декабря 1981 г. Мне кажется, что историки, занимающиеся военным положением, плохо представляют себе, о чем идет речь. Приведу только несколько фрагментов из них: «Из того, что говорит Ярузельский, ясно следует, что он нас водит за нос... Из переговоров с Ярузельским следует, что они еще не имеют твердого решения о введении военного положения... Ярузельский заявляет: Мы примем решение об операции "X" тогда, когда ее нам навяжет "Солидарность". Это очень опасный симптом... Похоже, что Ярузельский либо скрывает от своих товарищей план конкретных действий, либо попросту уклоняется от проведения этого мероприятия". "Я склоняюсь к тому, что польские власти не решатся на конфронтацию и, возможно, выступят только тогда, когда "Солидарность" возьмет их за горло»³¹. Подчеркну: все это происходило 10 декабря.

Несколько ранее, 16 ноября 1981 г. член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП М. Милевский в разговоре с послом ГДР К. Нойебауэром говорил: "Я совершенно открыто разговаривал с В. Ярузельским и изложил ему свою точку зрения. В принципе он не возражал, но ответил, что должен еще раз попробовать с вариантом создания фронта согласия. Может быть, еще есть шанс. Он пояснил, что мы пока не должны делать окончательные приготовления к конфронтации... В принципе, у меня связаны руки, поскольку я получил указание избегать всего, что могло бы вызвать напряжение". Вот как на самом деле выглядела моя "решимость" и "предопределенность" наших приготовлений. К сказанному хотелось бы еще добавить, что у меня вызывает удивление попытка замолчать воспоминания секретаря польского Епископата архиепископа Домбровского, опубликованные в 2001 г., где приводится его доклад Папе Иоанну Павлу II от 22 декабря 1981 г., в котором он сообщал следующее: «Вопреки предостережениям костёла "Солидарность" наращивала выступления и демонстрировала стремление к власти. Она отказалась войти в Совет национального согласия, несмотря на то, что 4 ноября 1981 г. на встрече у премьер-министра Валенсы дал согласие на участие в нем вместе с Примасом. После встречи с премьером Общепольская комиссия "Солидарности" дисквалифицировала Валенсу и заявила, что "Солидарность" не войдет в Совет национального согласия... Наши беседы на всех уровнях "Солидарности", в частности встреча 9 декабря у Примаса, результатов не дали»³².

В очередной раз я предлагаю со всей серьезностью отнестись к столь авторитетной оценке действий оппозиции представителем польского Епископата.

В своей книге "Время назревших перемен" г-н Я. Качиньский пишет, что существуют разные мнения относительно "встречи троих". Одни считают, что это был пропагандистский маневр со стороны ПОРП. Другие полагают, что таким образом можно было бы утихомирить "Солидарность" или хотя бы взять ее под контроль. Наконец, третьи утверждают, что Б. Геремек и его сторонники торпедировали эту инициативу, опасаясь, что это приведет к усилению позиций костела. Автор заканчивает словами: "Этот вопрос не выяснен до конца и требует серьезного изучения историками"³³. Прошло уже 12 лет, а вопрос все еще "ждет изучения". Надеюсь, что власти убедят, наконец, Институт национальной памяти организовать встречу участников упомянутой "тройки" (пока все они живы) для основательного и серьезного изучения данного вопроса. В ней могли бы принять участие политики, историки и публицисты с тем, чтобы на базе "первоисточников" внести полную ясность в этот вопрос. Свою готовность к такой встрече я неоднократно заявлял и вновь подтверждаю. Мы обязаны это сделать перед лицом истории и, прежде всего, для широкого общественного мнения в Польше и за рубежом, для всех тех, кто с огромным интересом и надеждой ожидал положительного результата от этой инициативы.

³¹ Документы "Комиссии Суслова". События в Польше в 1981 г. – Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 84–105.

³² *Arcybiskup Dąbrowski. Rozmowy w Watykanie*. Warszawa, 2001, с. 238–240.

³³ *Kaczynski J. Cas na zmiany*. Warszawa, 1994.

Наконец, несколько слов о внутривойсковом факторе. Сегодня в СМИ упорно проводится мысль о том, что введение военного положения Ярузельский объясняет и оправдывает угрозой советской интервенции, что, якобы, было нереально. Речь, таким образом, идет исключительно о сохранении Ярузельским своего "кресла". На чем основываются такие утверждения? В своих выступлениях и статьях я постоянно повторяю: расчеты с совестью нужно начинать с себя, с нас – поляков, стоявших по обе стороны политической баррикады того времени. Ясно, что внешнюю угрозу нельзя было оценивать в отрыве от катастрофически обострявшейся внутривойсковой ситуации. В условиях антагонистического разделения Европы и мира, и хрупкого, нестабильного равновесия между Востоком и Западом, с учетом нашего ключевого геостратегического положения – польской оси, развитие событий в тот период времени по своей неумолимой логике вело к драматическому превращению польского вопроса в международную проблему. Только очень наивные или очень циничные люди могут этого не замечать.

По прошествии 25 лет нужно трезво оценивать сложившуюся тогда ситуацию. Сейчас одни говорят, что интервенция была не реальна, другие – она была неизбежна. За первой точкой зрения просматривается желание возложить всю вину за военное положение на Народную Польшу, ее руководителей. Если ПНР была страной несвободной, оккупированной, подчиненной давлению извне, как утверждают некоторые, то как тогда объяснить готовность советской стороны примириться с антисоциалистической диверсией, несущей в себе угрозу всему социалистическому лагерю? Есть и такие, которые считают, что СССР и Варшавский Договор обладали потенциалом, достаточным для нападения на Западную Европу, и намеривались это сделать, но вместе с тем утверждают, что СССР был не в состоянии осуществить локальную интервенцию ограниченного характера в сфере своих непосредственных интересов. В подтверждение "обоснованности" такой точки зрения приводятся ссылки на отдельные архивные данные, которые после специального отбора стали доступными польской стороне. А у нас эти данные были еще раз тщательно просеяны и после этого преданы гласности, т.е. подверглись двойной селекции. И вот после такого рода обработки эти данные должны якобы служить доказательством обоснованности вышеупомянутой точки зрения.

Эти авторы при этом забывают, что существуют и другие не менее серьезные источники. Профессор, генерал Д.А. Волкогонов – председатель Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по передаче архивов КПСС и КГБ (о военных архивах не шло и речи) в целях их научного и общественного использования на основе их анализа писал: "Готовилась интервенция в Польшу"³⁴. Прошло уже 12 лет, но я что-то не слышал, чтобы кто-нибудь занялся этой темой.

Теперь о сторонниках другой точки зрения. Среди них, помимо прирожденных русофобов, есть и такие, которые в отношении тогдашних союзников демонстрировали политическую любезность, говорили о дружбе и доверии. Сегодня они присоединяются к модному хору: "Во всем виноваты русские". Свою поддержку военного положения они оправдывают исключительно нависшей "черной тучей с Востока". Да, такое было. Но при этом необходимо помнить, что мы сами сделали все возможное, чтобы эта туча реально на нас пролилась. Наши внутренние склоки, потеря управляемости государственным организмом, фактическое возникновение двоевластия, вызванные нами хозяйственные перебои у соседей создавали угрозу стабильности и самому функционированию коалиционной инфраструктуры. Только с учетом всего этого можно и нужно говорить о том, что мы в то время видели что называется "невооруженным глазом". В подтверждение этой точки зрения можно сослаться на высказывания и публикации таких компетентных лиц, как советские генералы В. Дубынин, В. Ачалов,

³⁴ Известия, 19.VI.1994.

В. Дудник. Но, прежде всего, на известное заявление Брежнева от 1 марта 1982 г.: "Если бы коммунисты отступили перед контрреволюцией, дрогнули перед бешеными атаками врагов социализма, стабильность в Европе, а также во всем мире оказалась бы под угрозой"³⁵.

В подтверждение своих слов приведу некоторые материалы из бывших Чехословакии и ГДР. Здесь также имеет место тенденциозный отбор документов. Особенно старательно замалчивается у нас доклад специальной следственной комиссии парламента Чешской Республики под председательством депутата П. Толлнера. Его итоговый вывод: "Можно догадаться о причинах запланированного и не состоявшегося вторжения. Не последнюю роль наверняка сыграла позиция польской армии под командованием В. Ярузельского, что в декабре 1981 г. привело к введению военного положения". Имеется также обширная документальная информация о запланированной операции "Карконоше", а также о подготовке специальной широкомасштабной акции "Север". Последняя стала известна общественному мнению 21 декабря 2005 г. благодаря популярной чешской газете "Млада Фронта"³⁶. На следующий день эта информация была опубликована в газете "Трибуна"³⁷. Весьма красноречиво то, что готовность чехословацких сил к интервенции сохранялась до июля 1982 г., а вооруженных сил ГДР – до апреля того же года. Недавно в мои руки попал пространный документ, который я направил в прокуратуру отдела ИНП в Катовицах. Это копия донесения на немецком языке полковника Х. Дигутша, бывшего военного атташе ФРГ в Москве. С немецкой педантичностью он описывает и документирует передвижение и дислокацию советских войск вблизи восточных и северных границ Польши осенью 1981 г. Привожу перевод последнего предложения: "Вышеуказанная концентрация войск может быть использована как район сосредоточения и развертывания сил против Польши и может означать угрозу стабилизации в этом регионе". Логическим дополнением и подтверждением указанного документа можно считать слова бывшего канцлера ФРГ Г. Шмидта в его интервью А. Кшеминьскому в сентябре 1995 г.: "Разведка информировала нас о концентрации советских войск вокруг польских границ"³⁸. И, наконец, его сообщение для прессы 13 декабря 1981 г.: "Сожалею, что это стало необходимостью".

РЕАКЦИЯ ЗАПАДА

Именно с точки зрения: "необходимо ли?" следует рассматривать действия демократического Запада в тот период времени. Его антикоммунизм сочетался с симпатией и различными формами помощи "Солидарности". Для польских же властей было весьма существенно знать, насколько далеко заходила эта поддержка и какой реакции следует ожидать, если нам придется ввести военное положение. Мы знали, что реакция стран Запада будет, но единственными поступающими от них сигналами были рекомендации решить польские проблемы собственными силами, без внешнего вмешательства. В подтверждение этих слов сошлюсь на вышедшие в 1993 г. в Польше мемуары М. Тэтчер "Мои годы на Даунинг-стрит", в которых она писала: "Нельзя забывать, что для устранения угрозы советской интервенции мы постоянно твердили: необходимо позволить полякам принимать собственные решения"³⁹. Сейчас мы знаем, что американцы имели полную информацию о наших приготовлениях от сбежавшего к ним полковника Р. Куклийского. Кроме того, рассекреченные в 1997 г. донесения ЦРУ, военной разведки, объединенной разведки, госдепартамента, а также посольства США в Варшаве подтверждают, что американцы в расчет принимали как интервенцию, так и введение военного положения. Их молчание и даже отсутствие предупреждений во

³⁵ Правда, 2.III.1982.

³⁶ Mlada Fronta Dnes, 21.XII.2005.

³⁷ Trybuna, 22.XII.2005.

³⁸ Polityka, 23.IX.1995.

³⁹ Thatcher M. Moje lata na Downing Street. Londyn, 1993.

время визита заместителя премьер-министра ПНР З. Мадея в Вашингтон 6–9 декабря 1981 г. свидетельствовало о том, что они готовы с пониманием отнестись к тому, что мы выберем "меньшее зло".

Эта проблема, однако, почему-то не вызвала должного интереса у "исследователей" военного положения. Поэтому мне представляется, что уже давно пора при наличии столь великолепных отношений между Польской Республикой и США внести ясность в этот вопрос и проинформировать об этом общественное мнение, так как столь длительное нежелание касаться этой темы вызывает, по крайней мере, удивление и непонимание. Хочу надеяться, что Институт национальной памяти пожелает все же заняться этим вопросом. Здесь же лишь напомним, что в постановлении председателя Верховного Суда Польши по делу Р. Куклиньского трижды подчеркивалось, что дезертирство Куклиньского было вызвано угрозой интервенции со стороны Советского Союза и других государств Варшавского Договора, о которой он хотел предупредить руководителей государств, имеющих влияние на судьбы мира⁴⁰. Трудно предположить, что председатель Верховного Суда в столь важном с исторической, политической и с юридической точек зрения вопросе мог столь определенно высказаться, не имея на то веских оснований. Предпринимались ли попытки внести ясность в этот вопрос, я не знаю.

ВНИМАНИЕ НА ВОСТОК

Теперь коснусь позиции Советского Союза и стран Варшавского Договора. Ситуация в Польше вызывала у них огромное беспокойство. Существовала потенциальная возможность военного вторжения, а также экономических санкций, чего не следует забывать. Из этих стран в наш адрес раздавалась резкая критика, делались предупреждения, на нас оказывалось политическое и психологическое давление. Мы знали о поддержке извне (и о контактах тоже) так называемых "настоящих коммунистов", выступавших за интервенцию. Наконец, напомним о том, в СССР проводилась генеральная репетиция перед вторжением – беспрецедентные по своим масштабам сентябрьские учения "Запад – 81". Кстати, параллельно им были организованы крупные учения стран НАТО: "Америкэн экспресс" и "Осенний туман". Все это накаляло отношения между Варшавским Договором и НАТО, но решение о введении войск не было принято. Мы прекрасно осознавали все негативные последствия такого шага и всячески стремились этого избежать. Мы постоянно задавали себе вопрос: насколько такой сценарий реален? Профессиональные военные знают, что при рассмотрении той или иной ситуации необходимо оценить как силы, так и возможные намерения противоположной стороны. Что касается сил, то они были нам хорошо известны: сил было более чем достаточно. А вот намерения – здесь, как всегда бывает, многое было неясно. Где здесь информация, а где дезинформация? Где проходит последняя черта? Как с этой точки зрения оценивать адресованное мне послание Л.И. Брежнева, утвержденное на Политбюро ЦК КПСС 21 ноября 1981 г.? В нем были такие слова: "Теперь уже абсолютно ясно, что без решительной борьбы с классовым противником спасение социализма в Польше невозможно".

Весь драматизм вопроса: введут войска или не введут? – нашел отражение в официальном письме М.С. Горбачева от 31 августа 1995 г. Не имея возможности лично приехать в качестве свидетеля по приглашению Комиссии конституционной ответственности Сейма, он, в частности, писал: "Введение военного положения в Польше было обусловлено не только нарастающим внутриваршавским кризисом, но также и тесно с этим связанным ростом напряженности в польско-советских отношениях... Советское руководство металось в поисках выхода между двумя, одинаково неприемлемыми для него решениями: согласиться с хаосом, охватившим Польшу и влекущим за со-

⁴⁰ Rzeczpospolita, 7.IV.1995.

бой распад всего социалистического лагеря, или отреагировать на события в Польше вооруженной силой... Тем не менее, наши войска, танковые колонны вдоль границы с Польшей, а также достаточно сильная Северная Группа Войск внутри Польши – все это при определенных экстремальных условиях могло быть приведено в действие".

Что считать экстремальными условиями? Обращусь к истории. Последней "каплей", которая рассеяла сомнения генерала Т. Бур-Коморовского⁴¹ и привела к принятию решения о начале Варшавского восстания, оказалась информация о появлении нескольких советских танков на Праге – пригороде Варшавы. Это обернулось фантазмагорией. Ее цена была страшной. Ситуация, которую описывал Горбачев, не была фантазмагорией. Мы это хорошо знали. Как на дрожжах разрасталась от пополнений Северная Группа советских войск, расположенных в нашей стране. Приведу несколько примеров. Наши радиолокационные службы регистрировали до 250 перелетов в сутки с советских аэродромов на аэродромы в Польше; дополнительно были созданы штабы в Легнице и Рембертове; разворачивалась сеть радиолинейной и топосферической связи. В конце ноября – начале декабря на пограничных с СССР железнодорожных узлах образовались многодневные заторы. Все это подтверждалось многочисленными донесениями.

НАЧИНАЛО ЗАКИПАТЬ

В этой ситуации последней "каплей" в деле принятия решения о введении военного положения явилось постановление Общеполюской комиссии "Солидарности" от 12 декабря о проведении 17 декабря многотысячных уличных демонстраций протеста в Варшаве и других городах Польши. Профессор Е. Хольцер в книге "Польша 1980–1981" отмечал: «Руководители "Солидарности" начинали терять контроль над действиями профсоюза. В разных регионах Польши начинало закипать»⁴². Профессор А. Пачковский в книге "Полвека истории Польши: 1939–1989" по поводу заседаний руководителей "Солидарности" в Гданьске писал: "Преобладали голоса радикальные и безответственные"⁴³. Несколько раньше, 3–4 декабря подобное происходило в Радоме. Л. Валенса был известен как реалист, сторонник умеренных подходов. Однако именно в Радоме он выступил, по сути, с позиций конфронтации. О том, что это была тактическая уловка, мы смогли прочесть в его книге "Дорога надежды"⁴⁴. Но тогда, в декабре 1981 г. для руководства страны из этого следовал однозначный вывод: если даже Валенса согласен с таким курсом – это означает радикализацию движения "Солидарности" в целом. Предупреждения не помогали. Назначенные на 17 декабря акции протеста в городах Польши представляли большую угрозу для безопасности страны. Это признавалось в упоминавшемся выше послании секретаря польского Епископата в адрес Папы-поляка от 22 декабря. А несколько раньше было памятное заявление, опубликованное по окончании 181-й конференции польского Епископата, состоявшейся 25–26 ноября 1981 г. В нем сказано: "Наша страна стоит перед лицом многих опасностей, нависают над ней черные тучи, несущие угрозу братоубийственной войны". Другими словами – гражданской войны. Власть имела право и должна была видеть и оценивать ситуацию еще более четко. В Воззвании 13 декабря я сказал: "Нельзя, мы не имеем права допустить, чтобы намечаемые демонстрации стали искрой, от которой может запылать вся страна". Во что мог вылиться выход на улицы сотен тысяч людей в условиях политически напряженной, нервной атмосферы того времени? В наших польских генах сохранилась глубоко романтическая и трагическая мифология на-

⁴¹ Бур-Коморовский Тадеуш – генерал, главнокомандующий Армии Крайовой, в августе 1944 г. возглавлял Варшавское восстание, приуроченное к переговорам между Польским комитетом национального освобождения и польским эмигрантским правительством в Лондоне.

⁴² Holcer J. Polska 1980–1981. Warszawa, 1995.

⁴³ Paczkowski A. Pol wieku dziejow Polski – 1939–1989. Warszawa, 2006.

⁴⁴ Walensa L. Droga nadziei. Warszawa, 1988.

родных восстаний. Познань-1956 г., Побережье-1970 г., а главное – Будапешт-1956 г. С точки зрения разума трагический опыт предостерегал, сдерживал, но, в то же время, эмоционально возбуждал и подталкивал. Я хорошо помнил слова великого польского поэта (А. Мицкевича) "Разумны бешенством!".

Говорят: это была другая историческая эпоха, "Солидарность" не разбила ни одного окна. Это правда, но часто "Солидарность" не была в состоянии овладеть народной стихией, что подтверждают многочисленные "дикие" забастовки и эксцессы. Что могло послужить детонатором? Возможная с любой стороны провокация. Руководство страны все время упрекали в преднамеренном провоцировании различных столкновений и инцидентов, якобы, с целью применения силы. А тут 17 декабря на улицах городов в вечернее время должны были появиться огромные толпы людей – "легко воспламеняющийся материал". Неужели не было понятно, что готовится рискованное, крайне опасное мероприятие?

Возникает вопрос о его истинной цели. Чего добивались и какими мотивами руководствовались инициаторы этих акций? До правительства доходили сведения о планах захвата Комитета по делам радио и телевидения и других объектов, учитывался ли организаторами этих мероприятий авантюризм руководителей Конфедерации независимой Польши, а также ряда неконтролируемых группировок и безответственных лиц? Раздавались голоса некоторых радикалов, например, А. Розпловского, известного деятеля Горно-Шлёнской "Солидарности", публично заявившего: «Нужно так долбануть, чтобы кремлевские куранты заиграли "Мазурек Домбровского"» (польский гимн). Грозилась нас и "шапками закидать". Б. Борусевич правильно оценил, что наступил амок – "психоз, навязчивая идея, сумасшествие". Утрата чувства реальности охватила даже узкий круг руководителей "Солидарности". Человек, которого я особенно уважаю и ценю за его смелость и открытость (и поэтому не называю здесь его имени – оно есть в документах), выступая в качестве свидетеля перед Комиссией конституционной ответственности в апреле 1995 г., признал, что конфликты 1981 г. напоминали игру в рулетку: пронесет – не пронесет. Более того, его ответ на вопрос, имеет ли право какая-либо организация действовать по принципу игры в рулетку, притом, что нельзя было исключать интервенцию извне, был шокирующим: "Если бы даже дошло до советской интервенции, то это, очевидно, было бы злом. Но народы и не такое переживали. Разве венгерский народ и венгерское государство исчезли после 1956 г.? А Чехословакия исчезла после 1968 г.? Если в случае интервенции все общество, весь народ смогут продемонстрировать солидарность, единство, то в перспективе через несколько десятилетий со стратегической точки зрения все может быть оценено положительно... Известно, что в политике бывает так: то, что кажется сейчас великим благом, превращается в свою противоположность. А то, что нам сегодня представляется трагедией, через столетия может иметь весьма позитивный эффект". Вот образец мышления в духе безудержного апофеоза Варшавского восстания.

Мое, наше понимание было совершенно иным. Судьбой народа, страны нельзя играть в рулетку. Нельзя допустить создания экстремальной ситуации. Даже ценой меньшего зла, непопулярных решений нужно предотвратить наихудшее. Поэтому 13 декабря 1981 г. и было принято решение о введении военного положения.

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ

Необходимо трезво оценивать факты. Поясню свою мысль. Историк, черпая знания в архивах и библиотеках, узнает, причем не всегда полностью и до конца, что и как было. Политик, получая информацию из докладов и отчетов, знает, причем не всегда все и с точностью, что происходит. Он может только предполагать, что и как произойдет в ближайшее время и в будущем. Историк может высказывать предположения, гипотезы, ничем при этом не рискуя. Политик несет всю тяжесть ответственности за принятые им решения. Занимающийся еще "горячей" новейшей историей исследователь обязан осознавать это различие в положении историка и политика. Ведь

его оценки выносятся на суд общественности. Ну а если историк выступает еще и как прокурор, то его ответственность с моральной точки зрения тем более велика. Напомню, что в соответствии со ст. 4 Уголовного кодекса Польши "органы, ведущие уголовное следствие, обязаны изучать и принимать во внимание обстоятельства, говорящие как в пользу обвиняемого, так и против него". Данное положение касается и судов, и прокуратуры. К сожалению, некоторые историки закрывают глаза на первую часть этого положения – обстоятельства, говорящие в пользу обвиняемого. Ими овладевает навязчивая идея – презумпция виновности, они стремятся вбросить в СМИ лживую сенсацию. Как это согласуется с совестью ученого? Не являются ли некоторые из них "суперпрокурорами"?

ЗА ВСЕ НУЖНО ПЛАТИТЬ

В заключение не могу обойти молчанием некоторые существенные вопросы. Не хочу, чтобы у читателя возникло мнение, что тогда я был иным, чем сейчас. В условиях послевоенного мира союз и дружественные отношения с Советским Союзом, несмотря на некоторые моменты, омрачающие наши отношения, считал и считаю для Польши оптимальным выбором. Это было предопределено географическим положением нашей страны. Когда-то неизбежным для нас был Варшавский Договор. Теперь мы в НАТО. Но тогда мы находились в особом положении. Ни одно государство Восточного блока не сталкивалось со столь сложными проблемами, как мы. Речь идет о западных землях. Если бы в 1944–1945 гг. Польша не стала страной зависимой, не вполне суверенной, она неизбежно превратилась бы во второразрядное, неполноценное государство. Напомню, что в 1939 г. Гдыня находилась в 18 км от границы с Германией, а Катовице – в 10 км. Помню, в марте 1939 г. мы, затаив дыхание, слушали выступление в Сейме министра Ю. Бека. Мне особенно запомнились его слова о чести (их часто вспоминают сегодня) и о том, что "Польша не позволит оттолкнуть себя от моря!". Эти слова сегодня почему-то забывают. Хорошо известно, сколько было того моря. А сегодня – 500 км побережья. Это не только географическое расширение наших границ, но и дополнительные возможности для всестороннего развития польской нации. А ведь это не "с неба свалилось". Об этом должны помнить особенно те, кто 45 лет Народной Польши трактуют как "черную дыру" в ее истории. Добавлю еще также, что нам, стоявшим у власти в бурном 1981 г., постоянно приходилось помнить о том, что по вопросу о границе по Одре и Нысе Лужицкой Запад еще не сказал своего последнего слова. Продолжался спор и относительно Поморского залива, водного пути Щецин – Свиноустье. Несколько лет назад Комиссия Сейма по защите Конституции получила в свое распоряжение архивные материалы бывшей ГДР, содержащие план ввода войск ГДР на территорию Польши.

Спрашивается, не могло ли случиться так, что в результате столь масштабных беспорядков в Польше были бы предприняты попытки пересмотреть наши западные границы? Ведь до сих пор не аннулировано решение Потсдамской конференции об окончательном урегулировании границы на основе подписания мирного договора. В условиях неустойчивой ситуации в Европе на кого мы могли рассчитывать? Какова будет реакция на все это со стороны главного гаранта, который до сих пор обеспечивал мир Европе? Нам с С. Каней⁴⁵ неоднократно об этом напоминали.

Могла ли наша "восточная политика" быть иной? В ряде практических вопросов, при принятии некоторых решений – да. Но в общем и целом – нет. Приведу в очередной раз слова профессора З. Бжезинского из книги "Единство и конфликты": "Враждебно настроенные в отношении коммунизма и России поляки не должны забывать, какова была бы роль Польши в союзе с Западом. В мировом масштабе она занимала бы место после Америки, Германии, Франции, Италии и многих других государств.

⁴⁵ *Каня Станислав* – Первый секретарь ЦК ПОРП в 1980–1981 гг.

С учетом фундаментального значения Германии для американцев, Польша была бы обречена на поражение в любом польско-германском конфликте. В социалистическом лагере все обстоит иначе. Польша является крупнейшей страной народной демократии после Советского Союза и Китая, а в Европе занимает второе место после СССР⁴⁶. Бжезинского у нас цитируют почти стоя на коленях, а его вышесказанные слова, как правило, замалчиваются.

Нас обвиняют в том, что мы не заявляли публично об угрозе интервенции. Во-первых, об этом красноречиво говорили сами факты. А во-вторых, каждый, кто умел слушать, мог это услышать в публичных выступлениях представителей правительства, не говоря уже о закрытых совещаниях, на которых неизменно повторялся призыв: наши польские проблемы мы должны разрешить сами, собственными силами. Об этом, в частности, заявлял и я 19 июля с трибуны IX съезда ПОРП, а также в обращении 13 декабря 1981 г.: "Этот кризис мы должны преодолеть собственными силами. Мы должны отвести угрозу собственными руками". Распространяемые инсинуации о том, что мы рассчитывали на так называемую братскую помощь – попросту бред. Это было бы самоубийством – не военное положение, а реальная война со всеми вытекающими из нее ужасными последствиями. Она не пощадила бы никого, ни сторонников "Солидарности", ни союзников власти. Война стала бы катастрофой для Польши, опасностью для Европы и всего мира.

Встречаясь и такие высказывания, что, мол, Румыния и Чаушеску сохраняли и проявляли большую степень самостоятельности. Это правда. За это Чаушеску хвалили на Западе, награждали медалями, присвоили британский дворянский титул. Я перестал этому удивляться, узнав об известном "политическом шоу" под названием "Чтобы Польша была Польшей", на котором премьер-министр Турции, за месяц до декабря 1981 г. совершивший у себя кровавый переворот, учил нас демократии. Но вернемся к Чаушеску. Его "петушиные" жесты и позы не имели существенного значения. Находясь на геополитической обочине, он мог себе это позволить. Главное, что за это расплачивался румынский народ, который терроризировали и держали "в ежовых рукавицах" и нищете. В геополитических реалиях того времени Польша выбрала для себя оптимальный курс развития. Поэтому я не собираюсь, исходя из конъюнктурных соображений, дистанцироваться от политики того времени. И сегодня, независимо от всех сложностей и трудностей, с которыми Польше приходилось сталкиваться на своем историческом пути, я уважаю ее выбор и уважаю Россию, самоотверженный и многострадальный российский народ. Буду рад, если отношения между Польской Республикой и Российской Федерацией в интересах обеих сторон станут лучшими, чем это имеет место сегодня.

ГОСУДАРСТВО ПОЛЯКОВ

Оценивая Народную Польшу, я не собираюсь с легкостью от нее дистанцироваться и отказываться. Со всеми своими даже врожденными пороками она была государством поляков. В ПОРП, во власти в широком смысле и среди ее сторонников было много людей умных, честных, самоотверженных, понимающих патриотизм как служение Польше такой, какой она реально могла быть в те времена. Конечно, имели место преступления, допускались глупость и бесчестность, встречались зазнайки и конъюнктурщики с партийным билетом в кармане. Не оправдались надежды на то, что партия не будет "такая же". Фундаментальные перемены в стране были неизбежны. Но попробуем сопоставить все это с тем путем, который несколько раньше и отнюдь "не в белых перчатках" прошли западные демократии, а также, наравне с нами, соседи по социалистическому лагерю. Каков был наш польский вклад? Об этом очень хорошо сказал на пресс-конференции 22 июля 2006 г. М. Раковский⁴⁷. Тем, кто не чи-

⁴⁶ Brzezinski Z. Jednosc i Konflikty. Warszawa, 1964.

⁴⁷ Раковский Мечислав – Председатель Совета Министров ПНР в 1988–1989 гг.

тал, советую прочитать его выступление, опубликованное в газете "Трибуна" от 24 июля и в журнале "Сегодня"⁴⁸ с.г. Он хорошо известен своей политической и реформаторско-публицистической деятельностью. Будучи премьер-министром Польши, он содействовал эволюционному, без потрясений, переходу к принципиальным переменам политического строя в нашей стране.

К высказанному на этой пресс-конференции, я хотел бы добавить одну очень важную, с моей точки зрения, деталь. Согласно переписи населения в 1946 г. в Польше проживало около 24 млн. человек. По переписи 1988 г. – 38 млн. человек. Таким образом, в течение 42 лет население страны увеличилось на 14 млн. человек. Это почти столько, сколько проживало в ГДР и больше, чем во всей Чехословакии. В среднем за каждое десятилетие прибывало более 3 млн. поляков. Прошло 17 последних лет, и что же мы видим? По-прежнему – 38 млн. человек! Поэтому оценивая историю Народной Польши, не следует забывать, как принципиально окреп потенциал нашего народа, наша национальная сущность за годы народной власти. И снова напомним: за все нужно было платить. Этим миллионам людей требовалось обеспечить жизнь в сильно разрушенных войной небогатых польских городах. Одновременно необходимо было восстановить единственную – подчеркиваю единственную – полностью разрушенную европейскую столицу, осуществить многомиллионную миграцию населения, заселить и развернуть хозяйственную деятельность на землях, которые тогда назывались возвращенными. Миллионы людей нужно было накормить, одеть и лечить, дать им образование и ликвидировать неграмотность, обеспечить их работой и крышей над головой. Масштабы этой гигантской работы, осуществленной, увы, не без известных крупных ошибок, сказывались иногда на ее качестве. В целом, однако, она была огромным шагом вперед.

Многие из тех, кто воспользовался плодами этой работы, а сегодня недовольные квартирами в панельных домах, забывают, из каких руин, нищенских хат, бараков вышли их отцы и деды. В 80-е годы мы также "грешили", строя панельные дома. Конкретно было построено квартир: в 1982 г. – 186,1 тыс., в 1983 г. – 195,8 тыс., в 1984 г. – 195,9 тыс., в 1985 г. – 186,9 тыс., в 1986 г. – 185,1 тыс., в 1987 г. – 191,4 тыс., в 1988 г. – 189,6 тыс. Это означает, что в те годы жилья строилось в среднем в 2–3 раза больше, чем в последующие полтора десятка лет. Ясно, что это не были апартаменты. И еще не известно, как бы стоял сегодня жилищный вопрос, если бы не нынешний нулевой прирост населения. Здесь следовало бы дать более полную оценку периода 1982–1989 гг. Однако это более широкая тема, требующая отдельной проработки. Я постарался осветить ее в главе "Расчеты с прошлым" в коллективной книге "Польша под властью ПОРП"⁴⁹, подготовленной рядом компетентных авторов. К сожалению, эта книга не вызвала широкого отклика.

Наконец, о месте Народной Польши в Европе и мире. Наша страна действительно не была аутсайдером. Наоборот, она была государством, признаваемым и уважаемым на международной арене. Польские инициативы по международным вопросам, заключенные союзы и договоры, позиция Польши в ООН снискали уважение в мире к Польше. Немалым авторитетом пользовалось и Войско Польское. Накануне августовских забастовок, в июне 1980 г. мне довелось принимать в Польше с визитом министра обороны Франции г-на И. Бурже. В ходе встречи проявилось взаимное уважение и понимание. Наметились и были согласованы интересные перспективы сотрудничества.

Особо хочу подчеркнуть, что Польша, а конкретно ее вооруженные силы вплоть до 1989 г. были "рекордистами" среди стран Запада и Востока, Севера и Юга в деле участия ее представителей – коллективных и индивидуальных в мирных миссиях ООН во многих странах мира. Такое не дается за "красивые глаза". Говорю об этом с гордо-

⁴⁸ Trybuna, 24.VII.2007; Dzis, 2007, № 11.

⁴⁹ Polska pod rządami PZPR. Warszawa, 2000.

стью. Войско Польское на каждом историческом повороте было, есть и всегда будет мне дорого. Пишу обо всем этом не потому, что испытываю ностальгию по прошлому. Тяжкие грехи по отношению к демократии, свободе, рациональной экономике и т.д. мне очевидны. Стараюсь лишь по возможности дать объективные оценки, сохраняя при этом чувство меры. Нужно не забывать, что прошедшие десятилетия были наполнены жизнью, трудом миллионов людей. Отбрасывая и осуждая все плохое, недостойное и вредное, необходимо в то же время отнестись с пониманием к историческим и международным условиям, в которых тогда находилась Польша, проявить уважение к созидательному труду миллионов поляков, по достоинству оценить достижения предшествующих поколений.

ЧТОБЫ ИСТОРИЯ НЕ РАЗДЕЛЯЛА ПОЛЯКОВ

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Старшее поколение, осознанно пережившее то сложное время, постепенно уходит. Все меньше людей, кто помнит те годы. Все большую роль сейчас играет телевидение, представляющее военное положение, прежде всего, в виде танков на улицах, милицейских дубинок, слезоточивых газов, водяных пушек и т.д. Все это, конечно, было, даже порой принимало драматический характер. Напомню здесь трагедию в шахте "Вуек"⁵⁰. Но такое видение истории не должно подменять объективную, свободную от политической конъюнктуры оценку крайне сложных условий и особенностей того времени. Ксендз Т. Бартось сказал на страницах "Газеты Выборчей": "Образы порождают убеждения... Побеждает тот, кто сохраняет над ними контроль. Отсюда простой вывод: чтобы изменить мышление людей, нужно поменять в их головах образы"⁵¹.

Я понимаю, что со своей "писаниной" я заведомо в проигрыше. Тем более что помимо тех самых "образов" наверняка появится множество различных осуждающих меня материалов и выступлений. Учítываю я и то, что мои размышления могут привести, как бы в виде реванша, к неприятным для меня последствиям. Несмотря на это, возвращаясь к исходному пункту, позволю себе сформулировать два принципиально важных вывода.

Первый. "Солидарность", в силу своих собственных политических амбиций, подавшись стихии бунта и непомерных требований, не смогла вовремя остановиться. А власть пошла лишь на частичные уступки в вопросе пересмотра принципов государственного устройства и внутренней безопасности и на этом рубеже остановилась. Возник клинч, узел противоречий, который был драматическим, болезненным образом разрублен введением военного положения.

Второй. С точки зрения исторической перспективы "Солидарность" была права. В итоге, ее видение и стремление к демократии победило, хотя, на практике не в той форме, как это представлялось в общественно-политических умонастроениях 1980–1981 гг. Мы, т.е. власть, правильно оценивали ситуацию, мы были правы с прагматической точки зрения. Это позволило предотвратить катастрофу и прийти к такому положению, при котором перемены смогли произойти не в форме опасного разрушения, а в ходе управляемого, спокойного демонтажа. Без осуществления мероприятий власти еще неизвестно, когда и как удалось бы реализовать цели "Солидарности". Верю, что история, может быть через много лет, это подтвердит. Главное, чтобы сегодня она не разделяла поляков.

⁵⁰ При ликвидации забастовки шахтеров, отказавшихся покинуть шахту в связи с введением военного положения, после длительных переговоров 16 декабря 1981 г. милиции пришлось применить оружие, в результате чего погибло 9 шахтеров, 21 человек получил ранения.

⁵¹ Gazeta Wyborcza, 26.X.2007.